

УДК 502.3

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ НАШЕГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО КРИЗИСА¹

© 2010 Линн Таунсенд Уайт^A, младший

Беседы с Олдосом Хаксли [Aldous Huxley]^B весьма часто превращались в один незабываемый монолог. Приблизительно за год до его оплакиваемой смерти, он рассуждал по поводу своей любимой темы: чудовищном обращении Человека с Природой и соответствующих результатов. Чтобы проиллюстрировать свою точку зрения, он рассказал, как в течение предыдущего лета побывал в небольшой долине Англии, где ребенком провел много счастливых месяцев. Восхищавшие его в детстве травянистые поляны заменились неприглядными кустарничками, а все из-за того, что фермеры преднамеренно заразили кроликов, которые прежде сдерживали рост кустарничков, миксоматозом^C, чтобы сократить их численность и обезопасить от них свои посеы зерновых культур. Будучи в чем-то филистером, я не мог дольше молчать, даже в интересах большой риторики. Я прервал его для того, чтобы напомнить, что и сам кролик как домашнее животное был привнесен в Англию в 1176 г. для улучшения, по-видимому, белковой диеты крестьянства.

Все формы жизни изменяют окружающую их среду. Самый захватывающий и плодоносный пример – это, несомненно, коралловый полип. Своей смертью эти организмы создали огромный подводный мир, благоприятный тысячам других видов животных и растений. С тех пор, как человек стал многочисленным видом, он также стал заметно воздействовать на окружающую его среду. Гипотеза о том, что метод выжигания больших территорий для охоты способствовал истреблению громадных млекопитающих плейстоцена на большей части земного шара, вполне вероятно, если не доказана. Шесть тысяч лет тому назад, по крайней мере, отмели более низкого берега Нила были рукотворными и не превратились в болотистые африканские джунгли, которые Природа без Человека реализовала бы на этом месте. Асуанская плотина, затопившая 5 тыс. квадратных миль, стала лишь последней стадией в этом длительном процессе. Во многих регионах, террасирование, ирригация, сбивание (дигрессия) пастбищ, вырубка лесов римлянами для строительства судов (будь то борьба с Карфагеном или крестовые походы), решение проблем материально-технического обеспечения их экспедиций, глубоко изменили природу затрагиваемых регионов. Наблюдение, что французский ландшафт распадается на два основных типа – открытые территории (поля севера) и покрытые кустарником территории юга и запада, – вдохновили Марка Блоха [Marc Bloch]^D на его классическое исследование средневековой агротехники. Иногда не умышленно (*точнее, опосредованно. – Г.Р.*), воздействия Человека затрагивают Природу. Было замечено, что появление автомобиля резко сократило численность воробьев, которые до этого большими стаями питались на всех улицах города, которые «удобрялись» лошадьми.

¹ White L.T., jr. The historical roots of our ecologic crisis // Science. – 1967. – V. 155, № 3767. – P. 1203-1207. (Перевод и комментарии Г.С. Розенберга).

История экологических изменений все еще остается в зачаточном состоянии, и мы не очень много знаем о том, что же действительно происходило и каковы были результаты. Исчезновение европейского зубра уже в 1627 г., кажется, простой случайностью сверхвосторженной [overenthusiastic] охоты. По большому количеству запутанных дел часто невозможно найти достоверную информацию. За последние тысячу или более лет фризы и голландцы упорно «отодвигали» Северное море, и процесс достигает кульминации в наше время восстановлением [залива] Зейдер-Зе [Zuider Zee]. Что, если какие-нибудь виды животных, птиц, рыб, береговой жизни или растений вымерли в этом процессе? Может в своей эпической битве с Нептуном голландцы упустили что-то экологически ценное, от чего пострадало качество человеческой жизни в Нидерландах? Вопросов больше, чем ответов.

Люди во все времена – это весьма динамичный элемент в своей собственной окружающей среде, и в современном состоянии исторического знания мы, обычно, точно не представляем, когда, откуда или что вызывает изменения, связываемые с деятельностью человека. Поскольку мы входим в последнюю треть XX столетия, лихорадочно повышается беспокойство по проблеме экологического «обратного удара». Естествознание, задуманное для понимания природы вещей, процветало в нескольких эрах и среди нескольких народов. Параллельно шло накопление технологических навыков, иногда быстро, иногда медленно. Но только приблизительно четыре поколения назад, Западная Европа и Северная Америка заключили «брачный союз» между наукой и техникой, союз теоретического и эмпирических подходов к нашей естественной окружающей среде. Появление и широкое распространение на практике бэконовского кредо [Baconian creed] – научное знание означает технологическую власть

над природой, – едва ли может быть датировано ранее приблизительно 1850 г., за исключением химической промышленности, где это произошло еще в XVIII в. Принятие этих представлений как нормального образа действия, можно считать величайшим событием в истории человечества, начиная с создания агрокультуры, а возможно, и за всю земную историю.

Почти сразу новая ситуация вызвала кристаллизацию нового понятия – «экология»; действительно, слово «экология» появилось в английском языке в 1873 г.^E Сегодня, меньше чем столетие спустя, воздействие Человека на окружающую среду столь увеличилось в силе, что это привело к качественным изменениям по своей сути. Когда в начале XIV столетия «заговорили» первые пушки, они затронули экологию^F (*это имело экологические последствия. – Г.Р.*): рабочие, взбирающиеся к лесам и горам для добывания большего количества поташа, серы, железной руды и древесного угля, воздействовали на Природу небольшой эрозией и небольшим сведением леса. Водородные бомбы имеют другой порядок воздействия: ядерная война может изменить генетическую основу всей жизни на нашей планете. В 1285 г. лондонцы «получили» первые проблемы смога, являющиеся результатом сжигания «мягкого» (битуминозного) угля; это не идет ни в какое сравнение с современным сгоранием ископаемого топлива, угрожающим изменить химию атмосферы земного шара в целом, с последствиями, которые мы только начинаем предполагать. Демографический взрыв и раковые опухоли [the carcinoma] бесплановой урбанизации породили геологических масштабов залежи мусора и объемы сточных вод; никто, кроме Человека, конечно, никогда не сумел бы так загадить свое «гнездо» за столь короткое время.

Существует много призывов к действию, но специфические предложения (достойные, тем не менее, каждое в отдельности), кажутся слишком частными, полумерами: запретить бомбу, сорвать рекламные щиты, выдать противозачаточные средства индусам и велеть им есть их священных коров. Самое простое решение – затормозить всю деятельность или, еще лучше, вернуться к романтизированному прошлому: заставить уродливые бензоколонки стать похожими на коттедж Энн Хэтауэй [Anne Hathaway]^G или на салуны заброшенного города на Диком Западе. Ментальность «глухой территории» неизменно защищает «глубоко замороженную» экологию, будь то Сан-Джиминьяно (San Gimignano)^H или вершины Сьерра-Невады, как это было до того, как впервые появился Kleenex^I. Но ни атавизм, ни украшательство не справятся с экологическим кризисом нашего времени.

Что же сделаем мы? Никто пока этого не знает. Если мы не задумаемся об основных принципах, наши отдельные конкретные меры (неглубокие и недалёковидные решения) могут привести к новым обратным реакциям, более серьезным, чем те, против которых они направлены.

Сначала мы попробуем разъяснить наши взгляды с некоторой исторической дистанции, в предположениях, которые лежат в основе современной технологии и науки. Наука традиционно была аристократической, теоретической, интеллектуальной в своих целях; технология была низшим классом, эмпирическим, ориентированным на действие. Весьма внезапный «сплав» этих двух составляющих возник к середине XIX в., и конечно был связан с предшествующими и современными демократическими революциями, которые, уменьшая социальные барьеры, имели тенденцию утверждать функциональное единство «мозгов и рук». Наш экологический кризис – продукт появления полностью новой, демократической культуры. Проблема – сможет ли демократизированный мир пережить такой собственный подтекст. По-видимому, нет, если мы заново не продумаем наши аксиомы.

ЗАПАДНЫЕ ТРАДИЦИИ ТЕХНОЛОГИИ И НАУКИ

Одно положение настолько очевидно, что кажется глупым разглагольствовать об этом: и современная технология, и современная наука порождены Западом. Наша техника поглотила элементы со всех континентов, особенно из Китая; и все же всюду сегодня успешная технология западна, будь то в Японии или в Нигерии. Наша естественная наука – наследница всех наук прошлого, особенно, возможно, работ крупнейших исламских ученых Средневековья, которые часто превосходили древних греков в мастерстве и проницательности: например, Ар-Рази [Al-Razi] в медицине (фармакологии), Ибн ал-Хайсам [Ibn-al-Haytham] в оптике, или Омар Хайям [Omar Khayyam]^J в математике. Правда, оказалось, что много работ таких гениев, кажется, навсегда исчезли в оригиналах на арабском языке; они сохранились только в средневековых латинских переводах, которые помогли заложить основы для более поздних наук и технологий Запада. Сегодня, на всем земном шаре, вся существующая наука западна, и в стиле, и в методе, независимо от цвета кожи или языка ученых.

Следующие факты менее признаны, потому что они являются результатом весьма недавних исторических исследований. Научное и техническое лидерство Запада оказалось намного старше, чем, так называемая, научная революция XVII столетия или, так называемой, индустриальной революции XVIII в. Эти «две революции», фактически, выходят из моды, т. к. затеяют истинную природу того, что они пробуют описать – важные стадии в двух длительных и независимых процессах развития. Начиная с 1000 г. н. э., самое позднее, – и возможно, маловероятно, на целых 200 лет ранее, – Запад начал применять гидроэнергию в производственных процессах, включая мукомольное производство. Уже в конце XII в. использовалась мощь ветра. Начиная с простого, но с замечательной последовательностью, Запад быстро расширил свои навыки в развитии машин, устройств, экономящих труд, и автоматизации.

Если кто и сомневается, пусть обратит внимание на наиболее монументальное достижение в истории автоматизации: управляемые весом механические часы, которые появились в двух формах в начале XIV в. Не в мастерстве, а в элементарной технологической способности, латинский запад более позднего Средневековья далеко опережал по своей сложности, изощренности и эстетичности великолепные культуры-сестры – Византии и Ислама. В 1444 г. известный греческий священнослужитель Виссарион [Basilios Bessarion; 1403-1472], в письме из Италии писал, что он был поражен превосходством западных судов, оружия, текстиля, стекла. Но, больше всего, он был удивлен зрелищем водяного колеса (waterwheel), с помощью которого происходило распиливание крупных деревьев и работали меха доменных печей. Ясно, что ничего подобного он не видел на Ближнем Востоке.

К концу XV столетия технологическое превосходство Европы было таковым, что его маленькие, взаимно враждебные народы смогли «вырваться» за пределы континента, что привело к завоеванию, грабежу и колонизации по всей остальной части мира. Символом этого технологического превосходства [может служить тот] факт, что Португалия, одно из самых слабых государств Запада, была в состоянии стать, и оставаться в течение столетия, хозяйкой Ост-Индии. И мы должны помнить, что технология Васко да Гама [Vasco da Gama] и Афонсу д'Албукерки [Afonso d'Albuquerque]^K была построена на чистом эмпиризме, имея весьма небольшую поддержку от естественных наук.

В современном общеупотребительном понимании, современная наука должна начинаться с 1543 г., когда и Николай Коперник [Nicolaus Copernicus], и Андреас Везалий [Andreas Vesalius] опубликовали свои основополагающие труды. Никак не ума-

ляя их достижений, следует указать, однако, что такие работы, как Fabrica ("De humani corporis fabrica libri septem" ["О строении человеческого тела"]) и De revolutionibus ("De revolutionibus orbium caelestium" ["Об обращении небесных сфер"]) не кажутся неожиданными. Западная научная традиция, фактически, начала складываться в конце XI в. с массовым переводом арабских и греческих научных трактатов на латинский язык. Несколько известных книг – например, Феофраста [Theophrastus], – избежали столь энергичного нового «западного аппетита», но менее чем за 200 лет фактически вся греческая и мусульманская науки стали доступны на латыни, они живо читались и критиковались в новых европейских университетах. Из критики возникли новые наблюдения, предположения и расло недоверие к древним авторам. К концу XIII столетия Европа выхватила глобальное научное лидерство из дрогнувших рук Ислама. Было бы абсурдно отрицать глубокую новизну работ И. Ньютона [Isaac Newton], Г. Галилея [Galileo Galilei] или Н. Коперника, чтобы отказать им в пользу таких ученых-схоластов XIV столетия, как Ж. Буридан [Jean Buridan] или Н. Орем [Nicole Oresme], на работах которых они строили свои исследования. Перед XI столетием, наука едва существовала на латинском Западе, тем более, в римские времена. С XI в., напротив, научный сектор западной культуры стал устойчиво и в бурном темпе расти.

С этих пор и наши технологические, и наши научные достижения получили «точку отсчета», приобрели свой характер и достигли мирового господства в Средневековье; при этом, кажется, что мы не можем понять их природу или их существующее воздействие на экологическую ситуацию, не исследуя фундаментальные категории средневекового мышления и их развитие.

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ НА ЧЕЛОВЕКА И ПРИРОДУ

До недавнего времени, сельское хозяйство было главным занятием даже в «передовых» обществах; следовательно, любое изменение в методах пашни чрезвычайно важно. Ранние плуги, которые тянули два вола, обычно не переворачивали дерн, а просто «царапали» его. Таким образом, поперечное вспахивание было необходимо, и поля принимали «квадратно-гнездовой» [squarish] вид. На довольно легких почвах и в условиях полузасушливого климата Ближнего Востока и Средиземноморья, такой способ обработки почв оправдывал себя. Но такой плуг не подходил для влажного климата и слишком липких (вязких) почв Северной Европы. В конце VII столетия после Рождества Христова (точнее указать нельзя), тем не менее, некоторые северные крестьяне стали использовать совершенно новый вид плуга, оборудованного вертикальным ножом, чтобы прорезать линию борозды, и горизонтальной пластиной (*лемехом и отвалом*. – Г.Р.), подрезающей и переворачивающей дерн. Трение этого плуга с почвой было настолько велико, что вспашка обычно требовала не двух, а восьми волов. Воздействие на почву стало столь сильным, что необходимость в крестообразной пахоте просто отпала, и поля стали покрываться длинными бороздами.

Во время технологии «царапания» плугом, поля были распределены, вообще говоря, в единицах, способных поддержать отдельную крестьянскую семью. Это и создавало прожиточный уровень в сельском хозяйстве и было основой существования. Но никто из крестьян не имел восьми волов: чтобы использовать новый и более эффективный плуг, крестьяне стали объединять своих волов, чтобы скооперировать усилия, получая вспаханные полосы в пропорции к своему вкладу. Таким образом, распределение земли стало базироваться не на потребностях семьи, а, скорее, на

мощности механизма (плуга с волами) при обработке земли. Отношение Человека к почве глубоко изменилось. Прежде, он был частью Природы; теперь же стал её эксплуататором. В этот момент нигде еще в мире фермеры не создали аналогичное сельскохозяйственное орудие. Возникает вопрос: случайно ли совпадение, когда современная технология, с её безжалостностью к Природе, в значительной степени была создана потомками этих крестьян из Северной Европы?

То же самое эксплуатационное отношение к Природе появляется еще несколько ранее (примерно в 830-х годах нашей эры) в западных иллюстрированных календарях. В более ранних календарях месяцы были «пассивно персонифицированы». Новые французские календари, которые установили стиль для Средневековья, совершенно другие: они показывают людей, принуждающих мир вокруг них, – вспахивание, сбор урожая, вырубка деревьев, забивание свиней. Как следствие, Человек и Природа – два разных создания, и Человек – владелец Природы.

Эти нововведения, кажется, находятся в полной гармонии с интеллектуальными обобщениями более широкого характера. То, что люди делают со своей экологией [окружающей средой. – Г.Р.], зависит от того, что они думают о себе и относительно вещей вокруг них. Человеческая экология глубоко обусловлена верованиями о своей природе и о судьбе – то есть, религией. Западными глазами это очень хорошо видно, скажем, в Индии или на острове Цейлон. Это одинаково верно для нас и наших средневековых предков.

Победа христианства над язычеством была самой большой духовной революцией в истории нашей культуры. Сегодня стало модным (фешенебельным) говорить, что, как бы там ни было, мы живем в «постхристианском возрасте». Конечно, формы нашего мышления и языка в значительной степени перестали быть христианскими, но с моей точки зрения, их сущность часто остается удивительно родственной той, из прошлого. Так, наши ежедневные привычки действовать, например, определяются слепой верой в неуклонный прогресс, о чем было неизвестно ни греко-римской старине, ни востоку. Эта вера пустила корни (хотя и недоказуем её источник) в иудейско-христианское богословие. Тот факт, что коммунисты разделяют эти представления (*вера в прогресс. – Г.Р.*), только помогает показать то, что можно продемонстрировать и на многих других примерах: марксизм, как и ислам, является иудейско-христианской ересью. Мы продолжаем и сегодня жить, как мы жили в течение приблизительно 1700 лет, в очень значительной степени в контексте христианских аксиом.

Что же христианство говорит людям об их отношениях с окружающей средой?

В давние времена, многое из всемирной мифологии давало картину создания цивилизации; греко-римская мифология в этом отношении была иной. Как и Аристотель, мыслители древнего Запада отрицали, что видимый мир имел начало. Действительно, идея начала была невозможна в структуре их циклического восприятия времени. В резком контрасте, христианство унаследовало от иудаизма не только концепцию необратимости и линейности времени, но и факт творения. Шаг за шагом, любящий и всемогущий Бог создал свет и тьму, небесные тела, землю и все растения, животных, птиц и рыб. Наконец, Бог сотворил Адама и вдохнул в него жизнь (мысль) и, чтобы скрасить его одиночество (после некоторых раздумий), создал Еву. Человек назвал всех животных и, таким образом, установил свое господство над ними. Бог планировал все это исключительно для выгоды человека и в соответствии с правилом: ничто не имеет иной цели, кроме цели обслуживания человека. И хотя тело человека

было создано из глины (праха земного), он не просто часть природы, он сделан похожим на Бога.

Христианство, особенно в его западной форме, – самая антропоцентрическая религия, которую видел мир. Уже во втором столетии и Тертуллиан [Tertullian], и Святой Ириней Лионский [Saint Irenaeus of Lyons]^L настаивали, что, когда Бог создавал Адама, он уже предвосхищал образ воплощенного Христа, Второго Адама. Человек разделяет, в большой мере, превосходство Бога над Природой. Христианство, на абсолютном контрасте древнему язычеству и религиям Азии (кроме, возможно, зороастризма [Zoroastrianism]), не только установило двойственность Человека и Природы, но также и настояло, что это – воля Божия и что Природа должна эксплуатироваться Человеком до его собственного конца.

На уровне простых людей это удалось реализовать довольно интересным способом. В старину, каждое дерево, каждый поток, каждый холм имели собственного духа места, доброго духа-опекуна. Эти духи были не похожи на Человека – кентавры, фавны, сирены (русалки), демонстрируют их двойственный облик [человек и животное]. Перед тем, как срубить дерево, выкопать шахту в горе или поставить запруду на ручье, важно было умиротворить дух, «отвечающий» за данный объект, и поддерживать его в этом умиротворенном состоянии. Разрушая языческий анимизм, христианство позволяло эксплуатировать природу в состоянии безразличия к «чувствам» природных объектов. Часто говорят, что церковь заменила анимизм культом святых. Верно, но функционально культ святых отличен от анимизма. Святой не обитает в природном объекте; у него могут быть особые убежища, быть место почитания на земле, но сам он принадлежит небесам [его «гражданство» – на небесах]. Более того, святой – это человек, с которым можно общаться на языке человека. Кроме святых, правда, у христианства есть еще ангелы и демоны, унаследованные у иудаизма и, может быть, косвенно у зороастризма. Но они не менее мобильны, чем святые. Духи, жившие в природных объектах, которые прежде защищали их от человека, исчезли. Была утверждена монополия человека на духовность, и старые препятствия к эксплуатации Природы были разрушены.

Высказываясь в таких широких терминах, в порядке вещей проявлять осторожность. Христианство – сложная вера, оно различно в разных контекстах. То, что я сказал, может вполне относиться к средневековому Западу, где, фактически, техника добилась впечатляющих достижений. Но этого нельзя сказать о греческом Востоке, очень цивилизованном мире равной христианской преданности, который, кажется, не произвел никаких технологических новшеств с конца VII столетия, когда был изобретен «греческий огонь» [«Greek fire»]^M. Ключ к разгадке этого положения, возможно, следует искать в различиях «тональностей благочестия», которые студенты сравнительного богословия находят между греческой и римско-католической церквями. Греки полагали, что грех был «слепотой разума», и что спасение будет найдено в просвещении, ортодоксии, – т. е. в «ясном разуме». Римско-католическая церковь, с другой стороны, считала, что грех был моральным, нравственным злом, и что спасение должно было быть найдено в правильном поведении. Восточное богословие было интеллектуализировано; западное – волюнтаризировано. Греческий святой созерцал, западный – действует. Значение христианства для покорения Природы более легко проявилось именно в западной атмосфере.

Христианская догма Творения, которая является первым пунктом всех вероучений, имеет и другое большое значение для нашего понимания сегодняшнего экологического кризиса. Своим Откровением, Бог дал Человеку Библию, Книгу Священного

писания. Но так как Бог сотворил и Природу, она также должна была показать божественный менталитет. Религиозное исследование Природы для лучшего понимания Бога, известно как натуральная теология (естественное богословие). В ранней Церкви, особенно на греческом Востоке, Природа постигалась, прежде всего, как символическая система, через которую Бог общается с Человеком: муравей – проповедь бездельникам о трудолюбии; воскрешающий огонь (rising flames) – символ стремления души ввысь. В этом контексте, взгляд на Природу был в большей степени искусством, а не наукой. В то время как Византия сохраняла и переводила многие древние греческие научные тексты, наука, как нам представляется, не могла процветать в таком окружении.

Однако, к началу XIII в. на латинском Западе натуральная теология стала склоняться к другому. Она прекратила заниматься расшифровкой природных символов коммуникации Бога с Человеком, и все больше концентрировалась на усилиях понять божью премудрость, путем проникновения в то, как работает его Творение. Радуга больше не была просто символом надежды, сначала посланной Ноем после Потопа: Роберт Гроссетест [Robert Grosseteste; 1175-1253], монах Роджер Бэкон [Roger Bacon; 1214-1294] и Теодор из Фрейберга [Theodoric of Freiberg или Дитрих Фрейбергский – Dietrich von Freiberg; 1250-1310] провели поразительно тонкую работу по оптическому исследованию радуги, но делали они это как «эксперимент в религиозном понимании». С XIII столетия и до Г Лейбница (Gottfried Wilhelm von Leibniz; 1664-1716) и И. Ньютона (1642-1727), каждый значительный ученый, в действительности, объяснял свои побуждения и мотивы работы в религиозных терминах. Действительно, если бы Галилей не был любителем-богословом (хотя и достаточно опытным), он имел бы гораздо меньше неприятностей: профессионалы-богословы сильно обижались на него за вторжение «в их пенаты». Ньютон, кажется, также ценил в себе больше богослова, чем ученого-естествоиспытателя. Только в конце XVIII в., «гипотеза Бога» стала ненужной многим ученым.

Для историка очень часто трудно судить, когда человек объясняет, почему он сделал или собирается сделать то или иное действие, указывает ли он реальные мотивы или просто отговаривается «приемлемо культурными» причинами. Последовательность, с которой ученый в течение многих столетий формирования западной науки свидетельствовал в пользу того, что основанная его заслуга состоит в том, чтобы «думать мысли Бога после него – to think God's thoughts after him», вынуждает нас считать, что для него это было реальным побуждением. Если это так, тогда современная западная наука – это слепок с матрицы христианской теологии. Динамизм религиозного рвения, сформированной иудейско-христианской догмой Творения, дал развитию естественных наук сильный внутренний стимул.

АЛЬТЕРНАТИВНОЕ ХРИСТИАНСТВУ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

Мы, кажется, пришли к заключениям, горьким для многих христиан. И «наука», и «техника» – слова, достойные уважения, в нашем современном словаре; первое из них рассмотрено исторически и сделан вывод о том, что современная наука – экстраполяция натуральной теологии; второе, следует, по крайней мере, частично, объяснять западной, волевой [voluntarist] реализацией христианской догмы превосходства Человека и законного владельца над Природой. Однако, поскольку мы теперь признаем, что чуть более чем столетие тому назад и наука, и технология (до этого времени развивавшиеся отдельно) объединились, то человечество, обретя дополнительную силу, столкнулось с ситуацией, когда многие из экологических эффектов оказались не-

контролируемыми. Если это так, то христианство несет за это огромное бремя исторической вины.

Я лично сомневаюсь, что решить наши бедственные экологические проблемы можно, если просто обратиться к еще бóльшим научным и технологическим результатам. Наши наука и техника выросли из христианских отношений Человека к Природе, что признается не только христианами и нео-христианами но также и теми, кто нежно расценивает себя как постхристиане. Несмотря на Коперника, весь Космос все еще вращается вокруг нашего небольшого земного шара. Вопреки Дарвину, мы, в наших сердцах, вовсе не считаем себя частью природных процессов. Мы превосходим Природу, высокомерно желая использовать её для наших малейших прихотей. Недавно избранный Губернатор Калифорнии^N, как и я, верующий, но менее обеспокоенный [этими проблемами], чем я, говоря о христианской традиции, сказал (как утверждают): «если вы видели одно красное дерево, вы видели их все». Для христианина дерево – не более чем физический факт. Целостное понятие «священной рощи» чуждо христианству и религиозным идеалам Запада. Почти два тысячелетия миссионеры-христиане «вырубали» все священные рощи, которые для них являлись «идолопоклонническими», потому что они предполагают наличие Духа в Природе.

То, что мы делаем с экологией (*окружающей средой*. – Г.Р.), полностью зависит от наших представлений о характере отношений Природы и Человека. «Больше» науки и «больше» технологии не спасут нас от существующего экологического кризиса, пока мы не создадим новую религию или не продумаем модификацию старой. Битники (хиппи), которые являются основными революционерами нашего времени, демонстрируют сильную инстинктивную близость к Дзэн буддизму, который возник из отношений Человека и Природы как почти зеркальное отображение (противоположное) христианских представлений. Правда, религия Дзэн глубоко обусловлена азиатской историей, тогда как христианство – всем опытом Запада; и я сомневаюсь, что Дзэн буддизм сможет «прижиться» среди нас.

Возможно, мы теперь должны обдумать и оценить представления самого большого радикала в христианской истории, начиная с Христа, – святого Франциска Ассизского [Saint Francis of Assisi]^O. Главное чудо св. Франциска – тот факт, что он не был сожжен на костре, как это случилось со многими из его левых последователей. Он был настолько очевидным еретиком, что генерал ордена францисканцев, св. Бонавентура^P, крупный и проницательный отец церкви, пробовал подавить ранние проявления религиозных представлений Франциска. Ключ к пониманию Франциска – его вера в достоинство смирения не просто для человека-особи, но для человека как вида. Франциск пробовал свергнуть Человека с его «монархического трона» и установить демократию всех божественных существ. С ним муравей больше не просто повод для проповеди лентяю, а огонь – символ стремления души к союзу с Богом; теперь они – Брат-Муравей и Сестра-Огонь – сами восхваляют Создателя своими собственными способами, также как и Брат-Человек.

Более поздние комментаторы писали, что Франциск проповедовал птицам в укор людям, которые не хотели его слышать. Зафиксированное свидетельство гласит: он убеждал небольших птиц хвалить Бога, и те в духовном экстазе махали крыльями и, радуясь, щебетали. В легендах о святых (особенно ирландских святых), много говорится об их «деловых отношениях» с животными, но, я думаю, это было свидетельством их человеческого господства над другими существами. С Франциском все обстояло по иному. Земля вокруг городка Губбио [итал. Gubbio] в Апенниннах разорялась жестоким волком. Святой Франциск, гласит легенда, убедил волка в его в ошиб-

ках, тот раскаялся, умер в аромате святости [odor of sanctity] и был похоронен в освященной земле.

То, что сэр Стивен Рунциман [Steven Ruciman]^Q называет «францисканской доктриной души животных», было быстро искоренено. Вполне возможно, что это [учение] было частично инспирировано (сознательно или нет), верой в перевоплощение, поддерживаемой еретиками-катарами (cathar), которые тогда проживали в Италии и южной Франции, и заимствованной, по-видимому, первоначально из Индии. Существенно и то, что в тот же самый момент, приблизительно 1200 г., следы метемпсихоза (metempsychosis; *первоплощение души после смерти тела в новое тело*. – Г.Р.) находят также в западном иудаизме и в провансальской кабалистике. Но Франциск не придерживался ни переселения душ, ни пантеизма. Его взгляд на Природу и Человека опирался на уникальный вид панпсихизма (*всеобщей одушевленности природы*. – Г.Р.): все живые существа и неодушевленных предметы, предназначены для прославления превосходящего их Создателя, который, в финальном жесте космического смирения воплотился на Земле, и плоть которого «прошла» от младенца в яслях (a manger) до распятия на кресте.

Я не думаю, что многие из современных американцев, которые обеспокоены нашим экологическим кризисом, будут способны или захотят увещевать волков или убеждать птиц. Однако, реально увеличивающееся, глобальное разрушение окружающей среды – продукт развития технологии и науки, которые объединились в западном средневековом мире и против которого св. Франциск восставал столь оригинальным способом. Их рост нельзя понять исторически без учета специфических отношений к природе, которые глубоко основаны на христианской догме. Представление о том, что большинство людей не думают об этих отношениях как христианских, не меняет действительности. Никакой новый набор основных ценностей не был принят в нашем обществе, чтобы заменить ими христианские. Следовательно, мы и дальше будем усугублять экологический кризис, пока не отклоним христианскую аксиому, что Природа не имеет никакого другого предназначения для существования, кроме того, чтобы служить Человеку.

Самый большой духовный революционер в западной истории Святой Франциск предложил то, что он считал, альтернативой христианским представлениям о взаимоотношениях Природы и Человека; он пробовал заменить идеей относительно равенства всех существ, включая человека, идею относительно безграничного правления человека всеми [другими] созданиями. Он потерпел неудачу. И наша современная наука, и наша современная технология так окрашены высокомерием христианского отношения к Природе, что никакой помощи от них в решении нашего же экологического кризиса не следует ожидать. Так как корни всех наших бед настолько в значительной степени религиозны, средства их преодоления также должны быть чрезвычайно религиозными, как бы мы это не называли. Мы должны заново продумать и повторно прочувствовать нашу природу и судьбу (предназначение). Глубоко религиозное, но еретическое [с христианских позиций] чувство примитивного францисканства для духовной автономии всех частей Природы, может указать нам направление движения. Я предлагаю Франциска определить в качестве святого покровителя для экологов^R.